

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЭЛИТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. Н. Антонов

Антонов Евгений Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет, 1-я линия В.О., д. 26,
Санкт-Петербург, 199004, Россия.

Эл. почта: 7592223@mail.ru. ORCID 0009-0002-7029-2304

Аннотация. В условиях крупных политических трансформаций политического транзита присутствие представителей культурно-образовательной элиты в составе высших государственных органов власти и политического управления важно для легитимизации нового политического порядка и лежащих в его основе новых политических смыслов и ценностей. Цель данной статьи — рассмотреть культурно-образовательную элиту как важную часть политического процесса современной России, к чьей помощи прибегают представители политической элиты, когда требуется найти и масштабировать новые ценностные идеи для реализации изменений в поле политики. Исследование направлено на увеличение объёма научных знаний об эффективных технологиях формирования актуальных социально значимых смыслов и условиях их транслирования в политическом пространстве. На основе собственных исследований автора, а также с опорой на актуальные работы учёных у культурно-образовательной элиты были определены две ключевые функции: поддерживающая легитимность и сохранение принятых в текущий период развития общества ценностей, а также противодействующая, т.е. контрэлиты, которая противоборствует текущим процессам, стремится к системным изменениям. Такая технология, когда представители культурно-образовательной элиты рекрутируются в политическое поле и конвертируют свой капитал в политический, является одной из важнейших в нашем исследовании. В статье раскрывается новая когорта элит — «законодатели мод», которая состоит из известных блогеров, журналистов, художественных руководителей театров и режиссёров. Важной особенностью новой когорты является то, что, удерживая свою аудиторию и переходя в другие статусы, культурно-образовательная элита проецирует в политическом пространстве собственную публичность и узнаваемость — социальный капитал, который интерпретируется через рекламное время в СМИ, купленные билеты на мероприятия и концерты, количество подписчиков. Таким образом, к представителям культурно-образовательной элиты можно отнести современных лидеров мнений, которые через свой накопленный социальный капитал и каналы коммуникации транслируют новые смыслы и ориентиры, отражая их в поле политики.

Ключевые слова: структура власти, политическая культура, элитология, политическая элита, культурно-образовательная элита, политическое рекрутирование.

Для цитирования: Антонов Е. Н. Культурно-образовательная элита Российской Федерации: структурно-типологический анализ. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2026. Т. 27. № 1. С. 98–112.

Введение

Политические преобразования в России невозможно представить без участия элит, что продолжает привлекать пристальное внимание исследователей. Это обусловлено тем, что элита, в том числе культурная, как отмечается современными исследователями, выполняет очень важную роль в процессе выработки и реализации государственной политики (Крыштановская, 2005; Ждановский, Станкевич, 2018; Мигранян, 1989). Термин «элита» для российского научного дискурса не является новым. Научная школа элитологии в России существует уже несколько десятилетий.

Как отмечали в своих исследованиях российские исследователи, изучавшие элитизм в России, «элиты стали важнейшим актором процесса трансформации современной России, особенно после того, как волна политической мобилизации и активность общественных движений» (Абрамова, Пономаренко, 2016; Гельман, Тарусина, 2003) периода перестройки сошли на нет.

За последние 5 лет в обществе наметился тренд на обновление существующих элит — выделение интеллектуальной элиты цифровой эпохи, которую нужно рассматривать как часть культурно-образовательной элиты (Масловский, 2021). Цифровые технологии активно проникают во все социально-экономические процессы, и существующая политическая система не всегда успевает реагировать на изменения. В этой ситуации политическая элита вынуждена делиться властью с образовательной (научной) элитой, которая, более гибко используя новые технологии, стала претендовать на участие в государственном управлении. Динамику этому процессу придал кризис пандемии коронавируса и массовый переход на удалённую работу, эффективно подстроиться под который смогли как раз представители образовательной элиты. В известной мере это привело к переконфигурации элитного контура. Всё это представляется актуальной проблемой.

Степень разработанности проблемы в научных исследованиях

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что при анализе становления политической системы России невозможно обойти проблемы структурной динамики элит, а также вопросы взаимодействия и распределения ролей между ними, в первую очередь в контексте рекрутирования и кадровой ротации (Быстрова, Дмитриева, Дука и др., 2025; Жуков, Сельцер, 2021; Крыштановская, 2003). В условиях последовательной трансформации российской политической системы особо актуально изучение функций и критериев самоидентификации представителей элитных групп, и в частности «культурно-образовательной элиты, играющих значительную роль в развитии государства и распределении власти» (Антонов, 2023). Культурно-образовательные элиты выступают в публичном пространстве в роли новых действующих лиц, способных привносить новые источники политического вдохновения, конструировать идеи, создавать новые системы ценностей, что в конечном итоге трансформируется в их же собственный политический капитал (Кислицын, 2019; Тев, 2021).

Стоит ещё отметить «стратегическую культуру» как элемент политики, который представляет собой организационное поле, внутри которого генерирование идей в форме интеллектуального экспериментирования и рефлексивное осмысление идеологических практик. В исследовании В. А. Гуторова указано, что стратегическая культура, постепенно утверждая свой статус в международной политической теории, в основном рассматривалась как эквивалент ценностей, моделей поведения или системы символов. Что в достаточной мере укладывается в контекст нашего исследования культурно-образовательных элит (Гуторов, 2025).

Методология и методика исследования

В данном исследовании основными методологическими ориентирами стали сравнительно-исторический и структурно-типологический методы, которые позволили показать через призму истории различия в системе формирования и рекрутирования политических элит. При этом меритократический подход использован автором при анализе рекрутирования и динамики культурно-образовательной

элиты. Кроме того, эмпирико-дескриптивный и позитивистский методологические подходы позволили интерпретировать процессы формирования этого сегмента элиты и механизмов его функционирования. Аксиологическая методология дала возможность оценить характеристики вида элит через определение целей, ценностей, закона и идеалов власти, что отмечается в работах российских и белорусских исследователей элитологии (Ашин, 2010; Гордейчик, 2004).

Эмпирическая база представлена текущими информационно-аналитическими материалами о деятельности Государственной Думы Российской Федерации I–VIII созывов, опубликованными в российских периодических изданиях и научных сборниках с 2000 по 2022 г.; результатами анализа профессионального состава Государственной Думы Российской Федерации I–VIII созывов, проведённого автором в 2021–2022 гг.; результатами эмпирических исследований, направленных на изучение структуры российской политической элиты, в том числе культурной и образовательной, проведённых Д. П. Гаврой (Гавра, 2003; Гавра, 2019).

Исследованию участия культурно-образовательной элиты в политическом истеблишменте не было уделено значительного внимания. В отечественной и зарубежной научной литературе этот отряд элиты преимущественно представлялся как сегмент правящей элиты при сравнении с другими типами элит (военной, финансовой и т.п.). При этом фокус внимания делался на всей элитной страте, что выводило авторов на системное описание отечественной политической системы в целом (Мигранян, 1989; Титова, Титова, 2019; Blackwell, 1972; Lane, Ross, 1994). Практическое изучение культурно-образовательной элиты обусловлено рядом проблем, связанных с природой социального капитала элиты, которую непросто оценить в явной степени. Это связано с тем, что такой капитал формируется благодаря пользовательскому опыту и проявлениям творчества представителя культурно-образовательной элиты (Крыштановская, Лавров, 2022; Шестопал, 2000). Ввиду изложенного мы стремимся описать характерные виды социального капитала рассматриваемой элиты и оценить процедуру её интеграции в политическом пространстве.

Результаты исследования

Показывая генезис российской элиты на примере ситуации начала XX в., Ю. Г. Коргунюк утверждает, что культурно-образовательная элита начала образовываться в конце XIX в. из числа обладающих соответствующим статусом членов различных зарождающихся партий. В состав таких объединений входили преимущественно представители культуры и науки: «...эти партии имели своей социальной базой отнюдь не буржуазию, пролетариат и т.д., а разные слои одного и того же класса» (Коргунюк, 2001). Так, партии либерального толка поддерживались представителями буржуазного слоя, которые выступали за эволюционные процессы преобразования общества. Основу социалистических партий составлял люмпенизированный слой представителей культурного и научного сообщества (по меткому определению Солженицына «образованцы»), нацеленный на силовые методы свержения старых порядков.

После распада СССР, в период пребывания в устойчивом состоянии, культурно-образовательная элита стала выполнять второстепенный функционал, реализовав своё главное предназначение — демонтаж предыдущей системы. После этого она превратилась в контрэлиту, выполняющую функцию противопоставления правящей «новой» элите. Этот тезис убедительно доказывает Н. А. Шматко

в статье «Конверсия бюрократического капитала в постсоветской России», отмечая, что «в социалистических странах у представителей партийной номенклатуры не было никаких других противников в борьбе за господство, кроме держателей культурного капитала» (Шматко, 1996).

Схожий взгляд на эволюцию правящей элиты СССР занимают и другие российские и зарубежные исследователи, утверждавшие, что контрэлита формировалась параллельно с развитием правящей элиты и была способна включиться в взаимодействие с властью за собственное место в политическом пространстве. Исследователи утверждают, что «современная российская культурно-образовательная элита несёт в первую очередь инновационную функцию, коренящуюся в самой её природе, — генератора новых ценностных идей и предложений» (Гавра, Носков, Чазова, 2003). В этой связи следует отметить, что культурно-образовательная элита функционирует параллельно с правящей элитой, формируя для неё ценностное поле, что обеспечивает устойчивость в периоды политических волнений и изменений в обществе. Тем не менее провал перестройки показывает ограниченность влияния культурно-образовательной элиты на политические процессы. По мнению российских исследователей, «история интеллектуалов, работавших на Ельцина, это история иллюзии людей, которые пришли во власть, чтобы изменить её, они добились относительного успеха в персональной карьере, а затем потерпели сокрушительное личное поражение» (Антонов, Гавра, 2019).

Сегодня, в период цифровой трансформации, «законодателями мод» чаще, нежели учителя и учёные, стали выступать известные журналисты и блогеры, а также художественные руководители театров и режиссёры. Следует отметить, что при взаимодействии с аудиторией они также начинают выполнять образовательно-воспитательную функцию через вовлечение аудитории в обсуждение политических процессов. «Все они являются «законодателями мод», поскольку выполняют функции продуцирования политических ценностей» (Антонов, 2023).

Таким образом, культурная элита производит образы, которые воспроизводит их целевая аудитория, а конверсия культурного капитала в политический происходит за счёт того, что в сферу политики носитель капитала рекрутируется вместе с аудиторией. Это известность, которая имеет под собой объективные основания: проданные билеты и рекламное время в эфире, подписчики, т.е. всё то, что имеет эквивалент в формате социального капитала. И если как представитель в Государственной Думе РФ этот человек принадлежит к одной из политических партий, то это означает, что он автоматически свой персональный конвертированный из культурного в политический капитал переносит на политическую партию.

При этом существуют и иные способы политического использования своего «культурного капитала», когда люди, заслужившие в глазах общественности право называться культурно-образовательной элитой, просто «освящают» своим присутствием политическую партию (Антонов, 2019). В данном случае на современном этапе возникают новые ситуации вовлечения массовой аудитории, отличные от того, как формировались списки Государственной Думы первых созывов, когда был другой капитал известности — телевидение. С помощью такого подхода мы можем описать любого представителя «законодателей мод», например, объяснить причины нахождения в составе депутатского корпуса И. Кобзона столь продолжительное время. Причина в том, что он был на всех «голубых огоньках», и вся страна видела этого человека. Так же можно описать, например, А. Розенбаума и С. Говорухина.

Кроме личного «культурного капитала», существует «корпоративный» — это когда руководитель или представитель организации, вбирая в себя её культурный капитал, оказывает приверженность идеям субъекта политики, например, политической партии. В результате чего «корпоративный» представитель автоматически расширяет собственный культурный капитал и делится им с политической партией.

Есть исследования, которые описывают последующие этапы развития карьеры депутатов Государственной Думы, а также принципов трансформации их собственного социального капитала. Так, например, Д. Б. Тев рассматривал постпарламентские карьеры депутатов. В частности, влечёт ли за собой уход из парламента выпадение из властной элиты вообще или переход в элитные группы (Тев, 2025). Это интересный для нашего исследования «обратный карьерный путь», который показывает способность осуществления трансфера собственного или «корпоративного» социального капитала представителями культурно-образовательной элиты после выполнения функций в политическом поле.

Стоит выделить ещё один тип представителей культурно-образовательной элиты, задачами которого является сохранение и собирательство знаний. По мнению автора, это самый распространённый и известный тип культурно-образовательной элиты в мире, истоки которого можно отнести к древним цивилизациям. Мудрецы и жрецы, обладая большими знаниями по сравнению с другими жителями территорий, оказывали влияние на принятие управленческих и политических решений, зачастую принимая их самостоятельно. Такие примеры можно найти в отечественной истории, например, учёные-новаторы своего времени — Л. Ландау, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике 1962 г. и П. Капица, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике 1978 г. Так, Капица был одним из идеологов создания Высшей политехнической школы, где студенты обучались бы по новой системе. Таким образом, учёный использовал свой личный культурный капитал в решении задач, которые оказывали влияние на принятие политических решений, а также транслировались на молодое поколение учёных новые смыслы и ценности, принятые тогда на государственном уровне.

В современной России этот тип элиты был представлен фигурой учёного Ж. И. Алфёрова, лауреата Нобелевской премии по физике 2000 г., вице-президента РАН, председателя президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, общественного и политического деятеля, который был депутатом фракции КПРФ в Государственной Думе Российской Федерации II–VII созывов.

Современные «лидеры мнений» больше присутствуют в сфере социально-экономических наук. За умы россиян теперь борются профессиональные социологи, психологи, политологи и политические технологи — своего рода «мудрецы». Это лидеры общественных и профессиональных организаций, исследовательских и аналитических центров, работы которых позволяют следить за динамикой развития современного политического пространства. Отчасти поэтому в России с начала 1990-х гг. стало появляться большое количество научных работ по теме формирования и управления общественным мнением.

По мнению автора, культурно-образовательная элита функционально разделяется на тех, кто поддерживает или сохраняет сформировавшийся порядок существующих ценностей — «легитимирующая элита», а также тех, кто данному процессу противостоит — «контрлегитимирующая» элита, т.е. контрэлита, ориентированная на изменение сложившейся системы (Гавра, Носков, Чазова, 2003).

Таким образом, во-первых, период контрэлиты — это время перемен и трансформаций, когда нужны новые идеи и ценности для легитимизации политической структуры общества. Когда же эта структура общества и государства приходит в стабильное состояние, их место занимают «бюрократы-исполнители» (Антонов, Гавра, 2019), использующие уже принятые и действующие нормы и ценности. Тогда она возвращается на свои прежние позиции. Во-вторых, во все времена интеллектуалы были начинателями новых преобразований. Поэтому стремление представителей культурно-образовательной элиты к новациям обусловлено, с одной стороны, чёткой сословной структурой российского общества, в котором им просто не нашлось места, а с другой — и это самое главное — способностью культурно-образовательной элиты генерировать новые идеи, тем самым опровергая идеологию системной конструкции.

Необходимо выделить ряд других критериев, определяющих структуру культурно-образовательной элиты: во-первых, это «поколенческая» модель, дающая самое общее представление о транзите культурного капитала в политический; во-вторых, модель по типу карьер даёт возможность сопровождать трек перемещений индивида по карьерной лестнице в политическом пространстве. На основании исследований петербургских учёных (Антонов, Гавра, 2019) мы смогли проанализировать карьерный путь представителей культурно-образовательной элиты, находящихся в рядах властных структур: Государственной Думе РФ, Правительстве РФ.

Так же можно рассмотреть ещё несколько критериев развития типологии культурно-образовательной элиты. Например, при использовании возрастного критерия появляется возможность построения её «поколенческой модели». В качестве базового подхода можно применить типологию, данную Е. Шестопаля в работе «Психологический профиль российской политики 1990-х» (Шестопаля Е., 2000):

- 65–85-летние (1909–1929) — ровесники революции и гражданской войны;
- 55–65-летние (1929–1939) — дети войны, шестидесятники;
- 45–55-летние (1939–1949) — послевоенное поколение;
- 35–44-летние (1949–1959) — дети хрущёвской оттепели;
- 25–35-летние (1959–1969) — брежневская эпоха.

Данная «поколенческая модель» даёт самое общее представление о конвертации культурного капитала в политический. Опираясь на неё, можно проследить динамику ценностного ряда от поколения к поколению. Однако она не позволяет раскрыть латентные механизмы процесса конвертации, ввиду ограниченности схематичного анализа» (Антонов, 2023).

«Профессиональная» или «карьерная» «модель даёт возможность проследить индивидуальную траекторию и очертить наиболее вероятный путь достижения интеллектуалами вершин политического олимпа, а также очертить инструменты транзита культурного капитала из одного состояния в другое» (Гавра, Носков, Чазова, 2003).

Для анализа представителей культурно-образовательной элиты в Правительстве Российской Федерации 1992 г. выбраны 10 чел., из них (Антонов, 2019):

- 2 академика (В. Ф. Шумейко — первый заместитель Председателя Совета Министров — академик Академии военных наук РФ; Е. В. Ткаченко — министр образования — академик РАО);
- 3 члена Академии наук (В. Н. Михайлов — министр по атомной энергии — действительный член РАН; С. Ю. Глазьев — министр внешних экономических

связей — член-корреспондент РАН; В. Н. Хлыстун — министр сельского хозяйства и продовольствия — член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук);

- 5 руководителей вузов, НИИ, научно-исследовательских центров (Е. Ю. Сидоров — министр культуры — ректор Литературного института им. Горького; В. И. Данилов-Данильян — министр охраны окружающей среды и природных ресурсов — президент Международного независимого эколого-политологического университета; А. Н. Шохин — заместитель Председателя Совета Министров — директор Института проблем занятости; В. Н. Михайлов — министр по атомной энергии — заместитель директора НИИ импульсной техники; М. А. Федотов — министр печати и информации — вице-президент Фонда ИНДЕМ, секретарь Союза журналистов России).

2. Для анализа культурно-образовательной элиты в Правительстве Российской Федерации, сформированном 10 апреля 1997 г., выбраны 7 чел., из них:

- 5 членов Академии наук (В. Е. Фортов — министр науки и технологий — вице-президент Российской академии наук; Р. Г. Абдулатипов — вице-премьер — действительный член Академии естественных наук России; Т. Б. Дмитриева — министр здравоохранения — член-корреспондент Российской академии медицинских наук; В. Н. Хлыстун — вице-премьер — проректор по научной работе, член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук; Е. М. Примаков — министр иностранных дел — член-корреспондент РАН).

- 1 директор музея (Н. Л. Дементьева — министр культуры — директор Государственного музея истории города Санкт-Петербург);
- 1 руководитель исследовательского центра (Е. Г. Ясин — министр без портфеля — в апреле 1994 г. — руководитель Аналитического центра, входящего в Аналитическую службу президента).

3. Анализ состава Правительства Российской Федерации, 2001 г.

Представители культурно-образовательной элиты в Правительстве Российской Федерации, сформированном в мае 2001 г. — 6 чел.):

- 3 академика Академии наук (В. Г. Артюхов — министр природных ресурсов Российской Федерации — академик Академии предпринимательства; В. М. Филиппов — министр образования Российской Федерации — академик Российской академии естественных наук; А. Ю. Румянцев — министр по атомной энергии — академик РАН);
- 2 члена Академии наук (С. В. Ильясов — министр обороны — член-корреспондент РАН; А. В. Гордеев — заместитель председателя правительства, министр сельского хозяйства — член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук);
- 1 директор учебно-методического центра (Б. В. Грызлов — министр внутренних дел — директор учебно-методического центра новых технологий обучения Балтийского государственного технического университета).

4. В правительстве Российской Федерации, 2004 г. — 2 чел.:

- А. С. Соколов — министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, а также ректор Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, заведующий кафедрой теории музыки, профессор;
- А. А. Фурсенко — министр образования и науки Российской Федерации, а также заместитель директора по научной работе Физико-технического института

им. А. Ф. Иоффе АН СССР в Ленинграде, генеральный директор Регионального фонда научно-технического развития Санкт-Петербурга¹.

5. Правительство Российской Федерации, 2008 г.

В этом составе Правительства отсутствовали представители культурно-образовательной элиты.

6. Правительство Российской Федерации, 2012 г. (3 чел.):

- Д. В. Ливанов, министр образования и науки Российской Федерации, ректор Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук;
- О. Ю. Васильева, министр образования и науки Российской Федерации, академик РАО; Президент Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор;
- А. Р. Белоусов, первый заместитель Председателя Правительства РФ, член-корреспондент РАЕН, член учёного и диссертационного советов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук.

7. Правительство Российской Федерации, 2020 г. (4 чел.):

- А. Р. Белоусов, первый заместитель Председателя Правительства РФ, член-корреспондент РАЕН, член учёного и диссертационного советов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук;
- О. Б. Любимова, министр культуры Российской Федерации, журналист и театровед, руководитель информационно-аналитической программы «Контекст», ВГТРК, старший продюсер документального кино программного департамента «Телеканал ТВ-3»;
- В. Н. Фальков, министр науки и высшего образования Российской Федерации, ректор Тюменского государственного университета, председатель Совета ректоров вузов Тюменской области;
- О. В. Матыцин, министр спорта Российской Федерации, ректор Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, доктор педагогических наук, профессор.

8. Правительство Российской Федерации, 2024 г. (5 чел.):

- А. Р. Белоусов, первый заместитель Председателя Правительства РФ, член-корреспондент РАЕН, член учёного и диссертационного советов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук;
- С. С. Кравцов, министр просвещения Российской Федерации, научный сотрудник, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, директор Института управления образованием Российской академии образования, доктор педагогических наук, доцент;
- О. Б. Любимова, министр культуры Российской Федерации, журналист и театровед, руководитель информационно-аналитической программы «Контекст» ВГТРК, старший продюсер документального кино программного департамента «Телеканал ТВ-3»;
- М. А. Мурашко, министр здравоохранения Российской Федерации, главный врач Республиканского перинатального центра, заведующий кафедрой БМТ-5 «Исследования, испытания и эксплуатация медицинской техники» ФГБОУ

¹ Российская газета (2004): Семнадцать министров. В новом Правительстве будет 17 министров вместо 30. 10.03.2004. URL: <https://rg.ru/2004/03/10/pravitelstvo.html>

ВПО «Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана», главный редактор журнала «Вестник Росздравнадзора», главный редактор журнала «Управление качеством в здравоохранении», главный редактор и основатель журнала «Здоровье человека на Севере», член редакционного совета журнала «Детская медицина Северо-Запада», доктор медицинских наук, профессор;

- В. Н. Фальков, министр науки и высшего образования Российской Федерации, ректор Тюменского государственного университета, председатель Совета ректоров вузов Тюменской области, кандидат юридических наук.

Выводы и рекомендации

Значимую роль генератора новых ценностных и политических ориентиров играет культурно-образовательная элита, преобразуя накопленный ею культурный капитал в политический. Такое положение дел представляет собой функцию культурно-образовательной элиты как «законодателя моды» (Гавра, Носков, Чазова, 2003). Подобный способ функционирования элиты носит периодический характер и проявляется тогда, когда назревает необходимость обновления прежних идеологических формул и политических принципов, а также популяризации среди широкой массы общественности. В связи с этими повышается значимость привлечения новых представителей элит из сферы культуры и образования.

Если политическая система не нуждается в новациях, стабилизируется в политической идеологии, то рекрутированные ранее представители культуры и образования переходят в ранг «сопровождающих», просто легализуя действия политической элиты.

«Кумулятивный» тип политической карьеры чаще всего находит своё отражение в работе органов государственного и политического управления, куда были рекрутированы представители культурной и образовательной элит.

Есть случаи, когда представителям культурно-образовательной элиты не удаётся в профессиональной среде перенести свой социальный капитал в политическое поле. Такой тип политических карьер называется «индивидуальный».

В исследовании нам было важно изучить принципы взаимодействия политической элиты и культурно-образовательной элиты. Между этими типами элит происходит постоянная борьба. Данный процесс всегда спровоцирован появлением в политической жизни общества новых интересов и требований. В условиях стагнации политической системы требуется проведение реформ, постановка новых идей, задач и смыслов (Тимофеева, 2019). В ответ на появление этих интересов вступает в активное действие новая элитная группа — культурно-образовательная элита, генерирующая новое и ценное для общества.

В конкурентных политических системах компонент культурно-образовательной элиты, представляющей политические ценности альтернативным ценностям, продвигаемым доминирующим политическим лидером, может рассматриваться как культурно-образовательные контрэлиты, выполняющие для оппозиции необходимую идеологическую функцию и культурную легитимизацию.

Необходимо отметить тот факт, что численность представителей культурно-образовательной элиты в Правительстве Российской Федерации 1992–2008 гг. снизилась до 0. При этом в Правительстве М. Мишустина численность представителей культурно-образовательной элиты вновь возросла и стала достигать 4 — в 2020 г.

и 5 человек — в 2024 г. Этот факт говорит о том, что за последние 5 лет необходимость в привлечении представителей культурно-образовательной элиты в политическое пространство приобрела системный характер и отчасти подтверждает последовательное выполнение Поручений Президента России В. Путина по обновлению государственной и политической систем управления. Снова важны навыки генерации новых идей и смыслов, а также способность проецирования личного культурного и профессионального капитала на общество и происходящие в нём процессы.

Необходимо отметить новый трек трансфера социального капитала, который напрямую не входит в основу исследования культурно-образовательных элит, но важен для осмысления дальнейшего развития темы. Во время проведения в России специальной военной операции (СВО) ветеранов операции стали называть представителями новой элиты, на персоналии которой необходимо равняться, включать в иерархию политического и государственного управления — транслировать их собственный культурно-образовательный капитал в политическое поле: «участники СВО должны стать «новой элитой» и основой будущей России». Так, ветераны, обладая исходными признаками представителей культурно-образовательной элиты (образование, звания и титулы, занимаемые до СВО посты), рекрутируются в органы управления клинических больниц, центров образования детей, средних образовательных и культурных учреждений. Таким образом, они оказывают влияние на формирование и распространение новых смыслов в обществе и тем самым легализуют действия политической элиты. Например, «чтобы задействовать ветеранов в избирательных кампаниях»².

В целях подтверждения полученных данных «были использованы различные методы исследования, включая анализ биографий представителей, сбор и анализ статистических данных, интервью и экспертные оценки» (Антонов, 2023). Результаты исследования позволили выявить основные направления конвертации культурного капитала в пространство официальной государственной политики, а также политическое поле, показать характерные различия способов карьерных реализаций представителей культурно-образовательной элиты, вовлечённой в работу органов власти.

Библиографический список

- Абрамова, И. Е., Пономаренко, Т. В. (2016). Российская политическая элита в контексте её современного развития. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 5, 649–652.
- Антонов, Е. Н. (2019). Структурная трансформация представителей культурно-образовательной элиты переходной России. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 9(9), 56–58.
- Антонов, Е. Н. (2023). Культурно-образовательная элита в поле политики: понимание, структура, анализ. *Управленческое консультирование*, 9, 135–143.
- Антонов, Е. Н., Гавра, Д. П. (2019). Элиты на переходном этапе от СССР к новой России: характеристики и динамика. *Теории и проблемы политических исследований*, 8(2), 51–64.
- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: история, теория, современность*: монография. Москва: МГИМО-Университет.

² Прах А. «Ветеранское движение», газета Коммерсантъ, 27.12.2024.
Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/7402458>

- Быстрова, А. С. (2017). Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации. *Власть и элиты*, 4, 170–203.
- Быстрова, А. С., Дмитриева, В. Д., Дука, А. В., Колесник, Н. В., Тев, Д. Б. (2025). Структура политических возможностей и источники рекрутирования региональной политической элиты России. *Власть и элиты*, 12(2), 38–109.
- Гавра, Д. П. (2019). Трансформация культурного капитала в цифровом обществе. Искусствование в контексте других наук в современном мире. В *Параллели и взаимодействия: сборник трудов Международной научной конференции* (с. 412–430). Москва: Российская государственная библиотека.
- Гавра, Д. П., Носков, А. И., Чазова, Н. В. (2003). Культурно-образовательная элита России: способы производства политических практик. *Политический анализ*, 4, 22–43.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2008). Российские элиты в зеркале политической науки. *PRO NUNC. Современные политические процессы*, 8(1), 17–23.
- Гельман, В. Я. (1997). «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989–1996). *Общественные науки и современность*, 4, 64–81.
- Гельман, В. Я., Тарусина, И. Г. (2003). Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы. *Политическая наука*, 1, 53–78.
- Гордейчик, С. М. (2004). Методологические подходы в исследовании политической элиты. В *XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию исторического фак. БГУ* (с. 82–84). Минск: издательство БГУ.
- Гуторов, В. А. (2025). Стратегическая культура и элиты: политико-теоретические аспекты аналитики. *Власть и элиты*, 12(3), 7–8.
- Ждановский, А. П., Станкевич, Н. А. (2018). Культурная гегемония как фактор социальных изменений (А. Грамши, К. Манхейм). В *Маркс и марксизм в контексте современности: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883)* (с. 148–150). Минск: издательство БГУ.
- Жуков, Д. С., Сельцер, Д. Г. (2021). Варианты трансформации региональных элит: прогнозы на основании системно-динамической модели рекрутирования элит в 1985–2019 годах. *Власть и элиты*, 8(1), 100–122.
- Кислицын, С. А. (2019). *Научная элита в системе политической власти*. Москва: Ленанд.
- Конопкина, Д. А. (2014). Система рекрутирования политической элиты в России в контексте задач модернизации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 1, 43–45.
- Коргунюк, Ю. Г. (2001). Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства. *Полис*, 1, 30–49.
- Крыштановская, О. В. (2003). *Трансформация российской элиты: 1981–2003 гг.* (докторская диссертация). Москва.
- Крыштановская, О. В. (2005). *Анатомия российской элиты*. Москва: Захаров.
- Крыштановская, О. В., Лавров, И. А. (2022). Молодые парламентарии в России. *Социологические исследования*, 2, 45–56.
- Масловский, М. В. (2021). Новые направления исследований цивилизационной политики российской правящей элиты. *Власть и элиты*, 8(2), 5–20.
- Мигранян, А. (1989). Долгий путь к европейскому дому. *Новый мир*, 7, 166–184.
- Попова, О. В. (2013). Карьерные стратегии субфедеральных политических элит. *Вестник СПбГУ. Серия 6. «Политология. Международные отношения»*, 1, 49–56.
- Семнадцать министров. В новом Правительстве будет 17 министров вместо 30 (2004). Режим доступа <https://rg.ru/2004/03/10/pravitelstvo.html>

- Тев, Д. Б. (2021). Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования. *Власть и элиты*, 8(1), 28–65.
- Тев, Д. Б. (2025). Динамика постдумской карьеры в политико-административной сфере и бизнесе. *Власть и элиты*, 12(3), 31–34.
- Тимофеева, М. Н. (2019). Развитие элит и элита развития: есть ли прогресс? В *Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием* (с. 33–34). Москва: ЮРИУФ. РАНХиГС.
- Титова, Л. Г., Титова, О. Н. (2019). Политическая элита в эпоху трансформаций. *Социально-политические исследования*, 1, 16–18.
- Шестопад, Е. Б. (2000). *Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии*. Москва: РОССПЭН.
- Шестопад, Е. Б., Селезнева, А. В. (2015). *Современная элита России: политико-психологический анализ*. Москва: Аргмак-Медиа.
- Blackwell, R. E. (1972). Elite Recruitment and Functional Change: An Analyses of the Soviet Obkom elite 1950–1968. *Journal of politics*, 34(1).
- Lane, D., Ross, C. (1994). Limitations of Party Control: the Government Bureaucracy in the USSR. *Communist and Post-communist Studies*, 27(1), 19–38.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025

Статья принята к публикации 10.12.2025

CULTURAL AND EDUCATIONAL ELITE OF THE RUSSIAN FEDERATION: STRUCTURAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS

E. N. Antonov

Evgenii N. Antonov

Saint Petersburg State University, 199004, Saint Petersburg, 1st line V.O., bldg. 26

E-mail: 7592223@mail.ru. ORCID 0009-0002-7029-2304

Abstract. During major political transformations of political transit, the presence of cultural and educational elite representatives in supreme state bodies and political governance is crucial for legitimizing the new political order and the underlying political meanings and values. This article aims to examine the cultural and educational elite as an important part of Russia's contemporary political process — a resource that political elites turn to when they need to generate and scale new value-based ideas for implementing changes within the policy field. The study seeks to expand scholarly knowledge on effective technologies for constructing relevant socially significant meanings and the conditions for their dissemination in political space. Drawing on the author's own research as well as on recent scholarly works, two key functions of the cultural and educational elite are identified: a legitimacy-supporting function that preserves values accepted during the current stage of societal development, and an opposing function — that of a counter-elite — which resists ongoing processes and strives for systemic change. A central mechanism examined in this study is the recruitment of cultural and educational elite members into the political field, where they convert their capital into political capital. The article introduces a new elite cohort — “taste-makers” — comprising prominent bloggers, journalists, artistic directors of theaters, and film directors. A distinctive feature of this cohort is that while retaining their audience and transitioning into other status positions, the cultural and educational elite project their own public visibility and recognizability into the political space. This recognizability serves as social capital, measured through media airtime, tickets sold for events and concerts, and numbers of followers. Consequently, contemporary opinion leaders who, through their accumulated social capital and communication channels, disseminate new meanings and orientations — thereby reflecting them in the political field — can be regarded as belonging to the cultural and educational elite.

Keywords: power structure, political culture, elitology, political elite, cultural and educational elite, political recruitment.

For citation: Antonov E. N. Cultural and Educational Elite of the Russian Federation: Structural and Typological Analysis. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2026. Vol. 27. No. 1. Pp. 98–112.

References

- Abramova, I. E., Ponomarenko, T. V. (2016). Rossiiskaya politicheskaya ehлита v kontekste ee sovremennogo razvitiya [Russian Political Elite in the Context of Modern Political Development]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [Theory and Practice of Social Development], 5, 649–652.
- Antonov, E. N. (2023). Kul'turno-obrazovatel'naya ehлита v pole politiki: ponimanie, struktura, analiz [Cultural and Educational Elite in the Field of Politics: Understanding, Structure, Analysis of the Russian Case]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 9, 135–143.
- Antonov, E. N. (2019). Strukturnaya transformatsiya predstavitelei kul'turno-obrazovatel'noi eh-lity perekhodnoi Rossii [Structural Transformation of Representatives of Cultural Educational Elite Transition Russia]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Voprosy Nacional'nyh I Federativnyh Otnoshenii], 9(9), 56–58.
- Antonov, E. N., Gavra, D. P. (2019). Ehлity na perekhodnom ehtape ot SSSR k novoi Rossii: kharakteristiki i dinamika [Elites in the Transition from the USSR to the New Russia: Characteristics and Dynamics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8(2), 51–64.
- Ashin, G. K. (2010). *Ehлитологиya: istoriya, teoriya, sovremennost': monografiya* [Elitology: History, Theory, Modernity: A Monograph]. Moskva: MGIMO-Universitet.
- Bystrova, A. S. (2017). Vliyanie sotsial'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorii: kar'ery predstavitelei razlichnykh politicheskikh pokolenii regional'nykh administrativnykh ehлит Rossiiskoi Federatsii [The Influence of the Social Context on the Construction of Career Trajectories: Careers of Representatives of Different Political Generations of Administrative Elites in the Russian Federation]. *Vlast' i ehлity* [Power and Elites], 4, 170–203.
- Bystrova, A. S., Dmitrieva, V. D., Duka, A. V., Kolesnik, N. V., Tev, D. B. (2025). Struktura politicheskikh vozmozhnostei i istochniki rekrutirovaniya regional'noi politicheskoi ehлity Rossii [The Political Opportunity Structure and Sources of Recruitment of the Regional Political Elite in Russia]. *Vlast' i ehлity* [Power and Elites], 12(2), 38–109.
- Gavra, D. P., Noskov, A. I., Chazova, N. V. (2003). Kul'turno-obrazovatel'naya ehлита Rossii: sposoby proizvodstva politicheskikh praktik [Cultural and Educational Elite in the Field of Politics: Understanding, Structure, Analysis of the Russian Case]. *Politicheskii analiz* [Political Analysis], 4, 22–43.
- Gavra, D. P. (2019). Transformatsiya kul'turnogo kapitala v tsifrovom obshchestve. Iskuststvovedenie v kontekste drugikh nauk v sovremennom mire [Transformation of Cultural Capital in a Digital Society. Art Criticism in the Context of Other Sciences in the Modern World]. In *Paralleli i vzaimodeistviya: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Parallels and Interactions: Proceedings of the International Scientific Conference] (pp. 412–430). Moskva: Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2008). Rossiiskie ehлity v zerkale politicheskoi nauki [Russian Elite in the Mirror of Political Science]. *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie protsessy* [PRO-NUNC: Modern Political Processes], 8(1), 17–23.
- Gel'man, V. Ya. (1997). "Transition" po-russki: kontseptsii perekhodnogo perioda i politicheskaya transformatsiya v Rossii (1989–1996) ["Transition" in Russian: Concepts of the Transition Period and Political Transformation in Russia (1989–1996)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 4, 64–81.
- Gel'man, V. Ya., Tarusina, I. G. (2003). Izuchenie politicheskikh ehлит v Rossii: problemy i al'ternativy [Studies of Political Elites in Russia: Issues and Alternatives]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 53–78.

- Gordeichik, S. M. (2004). Metodologicheskie podkhody v issledovanii politicheskoi ehlity [Methodological Approaches in the Study of the Political Elite]. In *XXI vek: aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 70-letiyu istoricheskogo fak. BGU* [The 21st Century: Current Problems of Historical Science: Proceedings of the International Scientific Conf. Dedicated to the 70th Anniversary of the Historical Faculty of BSU] (pp. 82–84). Minsk: izdatel'stvo BGU.
- Gutorov, V. A. (2025). Strategicheskaya kul'tura i ehlity: politiko-teoreticheskie aspekty analitiki [Strategic Culture and Elites: Political-Theoretical Aspects of Analytics]. *Vlast' i ehlity* [Power and Elites], 12(3), 7–8.
- Zhdanovskii, A. P., Stankevich, N. A. (2018). Kul'turnaya gegemoniya kak faktor sotsial'nykh izmenenii (A. Gramsci, K. Mannheim) [Cultural Hegemony as a Factor of Social Change (A. Gramsci, K. Mannheim)]. In *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883)* [Marx and Marxism in the Context of Modernity: Proc. of the Intern. Scientific Conf. dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. Marx (1818–1883)] (pp. 148–150). Minsk: izdatel'stvo BGU.
- Zhukov, D. S., Sel'tser, D. G. (2021). Varianty transformatsii regional'nykh ehlit: prognozy na osnovanii sistemno-dinamicheskoi modeli rekrutirovaniya ehlit v 1985–2019 godakh. *Vlast' i ehlity* [Power and Elites], 8(1), 100–122.
- Kislitsyn, S. A. (2019). *Nauchnaya ehlita v sisteme politicheskoi vlasti* [The Scientific Elite in the System of Political Power]. Moskva: Lenand.
- Konopkina, D. A. (2014). Sistema rekrutirovaniya politicheskoi ehlity v Rossii v kontekste zadach modernizatsii [The Recruitment System of the Political Elite in Russia in the Context of Modernization Problems]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 1, 43–45.
- Korgunyuk, Yu. G. (2001). Politicheskaya ehlita sovremennoi Rossii s tochki zreniya sotsial'nogo predstavitel'stva [Modern Russia's Political Elite as Viewed from the Angle of Social Representation]. *Polis* [Polis], 1, 30–49.
- Kryshtanovskaya, O. V. (2003). *Transformatsiya rossiiskoi ehlity: 1981–2003 gg.* [Transformation of the Russian Elite: 1981–2003] (Doctoral Dissertation). Moskva.
- Kryshtanovskaya, O. V. (2005). *Anatomiya rossiiskoi ehlity*. Moskva: Zakharov.
- Kryshtanovskaya, O. V., Lavrov, I. A. (2022). Molodye parlamentarii v Rossii [Young Parliamentarians in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 45–56.
- Maslovskii, M. V. (2021). Novye napravleniya issledovaniy tsivilizatsionnoi politiki rossiiskoi pravlyashchei ehlity [New Directions of Research on Civilizational Politics of Russia's Ruling Elite]. *Vlast' i ehlity* [Power and Elites], 8(2), 5–20.
- Migranyan, A. (1989). Dolgii put' k evropeiskomu domu [The Long Way to the European Home]. *Novyi mir* [Novy Mir], 7, 166–184.
- Popova, O. V. (2013). Kar'ernye strategii subfederal'nykh politicheskikh ehlit [Career Strategies of Subfederal Political Elites]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6. "Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Political Science. International Relations], 1, 49–56.
- Tev, D. B. (2021). Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobranii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of Regional Legislatures: Career Routes and Recruitment Channels]. *Vlast' i ehlity* [Power and Elites], 8(1), 28–65.
- Tev, D. B. (2025). Dinamika postdumskoi kar'ery v politiko-administrativnoi sfere i biznese [The Dynamics of Post-Duma Careers in the Political-Administrative Sphere and Business]. *Vlast' i ehlity* [Power and Elites], 12(3), 31–34.
- Timofeeva, M. N. (2019). Razvitie ehlit i ehlita razvitiya: est' li progress? [Elite Development and the Development Elite: Is There Progress?] In *Rossiiskaya ehlitologiya: innovatsionnye otvety na*

- vyzovy sovremennogo mira. *Materialy Tret'ego Vserossiiskogo ehlitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem* [Russian Elitology: Innovative Responses to the Challenges of the Modern World. Proceedings of the Third All-Russian Elitology Congress with International Participation] (p. 33–34). Moskva: YURIUF. RANKhiGS.
- Titova, L. G., Titova, O. N. (2019). Politicheskaya ehlita v ehpokhu transformatsii [Political Elite in the Era of Transformation]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya* [Social and Political Researches], 1, 16–18.
- Shestopal, E. B. (2000). *Psikhologicheskii profil' rossiiskoi politiki 1990-kh: Teoreticheskie i prikladnye problemy politicheskoi psikhologii* [Psychological Profile of Russian Politics in the 1990s: Theoretical and Applied Problems of Political Psychology]. Moskva: ROSSPEHN.
- Shestopal, E. B., Selezneva, A. V. (2015). *Sovremennaya ehlita Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz* [Modern Elite of Russia: Political and Psychological Analysis]. Moskva: Argamak-Media.
- Blackwell, R. E. (1972). Elite Recruitment and Functional Change: An Analyses of the Soviet Obkom elite 1950–1968. *Journal of politics*, 34(1).
- Lane, D., Ross, C. (1994). Limitations of Party Control: The Government Bureaucracy in the USSR. *Communist and Post-communist Studies*, 27(1), 19–38.

Received 20.09.2025

Accepted 10.12.2025

© 2026 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license — <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>